

КОЛХОЗНАЯ МЕТАМОРФОЗА СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ И ВЛАСТИ У МАЛЫХ НАРОДОВ НАГОРНОГО ДАГЕСТАНА[©]

Владимир БОБРОВНИКОВ

Институт востоковедения РАН

В последнее время в Нагорном Дагестане можно наблюдать интересный процесс. В ходе распада советско-колхозной системы на рубеже 80-90-х годов у аварцев, даргинцев, лакцев и малых андо-цезских народностей началось стихийное движение за исламское возрождение. Общественная и отчасти частная жизнь горцев попали под контроль мусульманской общины-*джамата*. Власть в деревне перешла в руки национальной мусульманской элиты. Какова этническая подоплека такой метаморфозы? Где нужно искать истоки исламского подъема в регионе? Что за ним кроется: возрождение дореволюционных порядков или результат преобразований советского времени? На все эти вопросы пока еще не найдено удовлетворительного ответа.

Немало интересных полевых и архивных материалов, проливающих свет на эту проблему, накопилось у меня в 1992 - 1995 гг. во время полевой работы в селах Цумадинского района республики*. Основная их часть относится к селению Хуштада, типичному для Нагорного Дагестана. Мне удалось собрать арабские записи его адатов XX в., статистику РСУ и отчеты хуштадинского колхоза, современную топонимику аула, а также опросить большинство его жителей. На

[©] Статья опубликована в журнале: *Ваш выбор* (Москва). 1996, № 3, с. 18-23

* Данное исследование было проведено при финансовой поддержке *the Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research*. За большую помощь в сборе материалов по древней и современной истории горного дагестанского *джамата* я хочу выразить большую благодарность моим главным информаторам *А.А.Закарьяеву, М.-С.Газиеву, М.Абакарову, М.Абдулаеву, М.Гамзатову, А.Шахрудинову, А.Мусалову, И.Хананову*, из *Хуштада*; *М.-Р.Гагиеву, М.М.Евсюковой С.-Г.Пирмагомедову* из районного центра *Агвали*; *М.-С.Абакарову, М. и М.Асхабовым* из *Хасавюрта*; *М.О.Алиеву, К.-М.Халикову* и *Б.Ханмагомедову* из *Махачкалы*.

примере Хуштада я хочу рассмотреть колхозную трансформацию общинной организации мусульманской деревни за 70 лет советской власти в Нагорном Дагестане.

Селение, о котором пойдет речь в этой статье, лежит на высоте примерно 1800 м. над уровнем моря на правом берегу Андийского Койсу, в его верхнем течении, в 12 км от райцентра Цумадинского района с. Агвали. До конца XVIII в. это был главный из 6 аулов *багулал* - небольшого андийского народа аваро-андоцезской языковой группы. В первой половине XIX в. Хуштада вошла в государство Шамиля, а после его пленения в 1859 г. - в Андийский округ Дагестанской области, которая в 1921 г. стала Дагестанской АССР.

* * *

Этот округ был самым многонациональным в Дагестане. Согласно переписи 1926 г., здесь жили аварцы и еще 12 небольших андо-цезских народностей, каждая из которых состояла из одного или нескольких селений. Их общая численность была невелика и достигала тогда 40,1 тыс. человек¹. Несмотря на различия в языках и культурных традициях андо-цезские народности и аварцы обладали общей этносоциальной, экономической и религиозной организацией, сходными институтами власти. Вплоть до 1927 г. местное горское общества состояло из однотипных полуавтономных сельских общин (араб., авар. *джамаатов*).

Судя по хуштадинским материалам, каждая из них отличалась значительной социальной, религиозной и этнической однородностью. Посемейные списки 1886 г. свидетельствуют, что все 739 жителей с.Хуштада (201 семья) были свободными общинниками (*узденями*). Как и прочие коренные дагестанцы, они принадлежали к шафиитскому толку суннитского ислама. В селе не было ни одного инородца. Похожую ситуацию рисует перепись 1926 г. Тогда из 813 жителей только 1 человек не был уроженцем хуштадинского джамаата².

Однако полного равенства среди багулал никогда не было. В Хуштада до сих пор выделяются семьи потомков ассимилированных грузинских пленных (авар., баг. *хъузхъул*), добытых в продолжавшихся до начала XIX набегах на

Алазанскую долину. Списки 1886 г. называют 12 таких семей. Сегодня сохранилось 6 из них³. Выше бывших рабов, но ниже полноправных общинников стояли свободные переселенцы из других дагестанских аулов. Потомков “чужаков” (авар., баг. *анарагзаби*) здесь также немного, всего 10 семей. Их фамилии указывают на происхождение. В основном это выходцы из соседнего тиндинского хутора Аща⁴.

Важно отметить, что в отличие от многих других дагестанских сел в Хуштада рабы и свободные переселенцы не образовывали отдельных родов (*тухумов*). Первые входили в роды своих бывших хозяев, вторые - в тухумы приютивших их хуштадинцев. К началу XX в. и те и другие уже влились в джамаат селения, однако не пользовались всей полнотой прав его членов⁵. Так, их потомки получили дома и поля на землях общины, их хоронили на хуштадинских кладбищах. Находящиеся ниже селения угожья, в XVIII - XIX вв. выделенные во владение освобожденным рабам, до сих пор называются *Хъазахъ бела* (баг. “Склон раба”). Однако выходцы из рабов и переселенцев не могли быть свидетелями в суде, должностными лицами джамаата и совладельцами общинных пастбищ.

Равенства не было и среди полноправных узденей, составлявших большинство населения Хуштада. Их родовая организация представляла собой сложную иерархию. Среди них выделялись три большие родственные группы, некогда образовавшие хуштадинский джамаат. Местные предания относят это событие к XIV - XV вв.⁶ Такие патрилинейные объединения родственников у багулал назывались *гъай*. Каждое из них делилось на тухумы (баг. *суцлер*) - линиджи, объединяющие по несколько малых семей (баг. *авал*). Последние включали родителей и их еще не обзаведшихся семьей детей.

Родственные группы-гъай и входящие в них тухумы различались по степени знатности (баг. *гъен*). Самым знатным и многочисленным в Хуштада был *Эссигъай*. К нему принадлежали 18 тухумов, объединявшие почти 2/3 всех хуштадинцев. Наиболее родовитыми из них считались тухумы Салманари и Юсупари, первые из багулал принявшие ислам в конце XVI в.⁷ *Шамхалгъай*, ведущий

свое происхождение от казикумухских шамхалов, по родовитости соперничал с Эссигъай⁸. В него входили 11 тухумов, Самый знатный из них также носил имя Шамхала. Ряд хуштадинских преданий называет его главу Гентера основателем селения. Наиболее худородными среди коренных хуштадинцев считались 16 тухумов *Элигъай*.

Вплоть до конца 20-х годов нашего века у каждого гъай были свои родовые кладбища. В самом могущественном из них - Эссигъай, - как правило соблюдался принцип внутритухумной эндогамии. Две другие тухумные группировки порой шли на смешанные браки, но только в пределах хуштадинского джамаата⁹. В застройке аула, как и в большинстве других горных дагестанских сел, до середины XX в. сохранялось утраченное ныне деление на однотухумные кварталы. Эссигъай занимал всю нижнюю западную часть селения. Дома Шамхалгъай располагались в его верхней юго-восточной части. Элигъай принадлежала верхняя северо-восточная часть аула.

Центром общественной жизни в Хуштада традиционно был *годекан* (баг. *корт*) - сохранившаяся до наших дней небольшая площадь на территории Эссигъай. Здесь находится соборная мечеть, одно из древнейших зданий села. Согласно арабской строительной надписи она “*была построена ...в правление падишаха Ибрагима, в тысяча девятом году от хиджры...*”(или в 1600 - 1601 гг. н.э.)¹⁰. На годекане регулярно собирался общий сход хуштадинского джамаата.

До 1927 г. хуштадинским джамаатом, как и соседними селами, управлял старшина (авар., баг. *бегавул*). Первоначально его выбирали сами горцы. После подавления общедагестанского восстания 1877 г. бегавул стал назначаться окружным начальником из Ботлиха из числа наиболее влиятельных хуштадинцев. Суд по хуштадинскому адату в уголовных делах и по шариату в гражданско-семейных творил совет старейшин села (араб. *диван*). Самые важные дела выносились на суд народного собрания (авар., баг. *руккел*). До русского завоевания на нем присутствовали все “совершеннолетние” (т.е. старше 14 лет) мужчины села, с 1868 г. - по одному от каждого “дыма” (баг. *авал*).

По своему типу выборная администрация джамаата была чисто светской. Местные мусульманские лидеры - имам (*дибир*), судья по шариату (*кади*) и шейхи появившихся в XIX в. тарикатов¹¹ - занимали в ней подчиненное положение. На правах старейшин аула они входили в сельский диван. Слабость мусульманской верхушки джамаата вплоть до 20-х годов XX в. во многом объясняется поздней исламизацией горцев. Как известно, принятие ислама багулалами началось с конца XV в. и завершилось только при Шамиле. Поэтому власть в Хуштада оставалась у наиболее сильных и знатных местных родов. Большинство бегаулов XIX - XX вв. происходили из тухумов Салманари, Юсупари (Эссигъай) и Шамхал (Шамхалгъай)¹².

Полицейский аппарат в Хуштада ограничивался рядом сельских исполнителей (баг. *гелиби*). Джамаат добивался выполнения своих постановлений в основном силой общественного мнения села. Наказания нарушителей закона сводились к тюремному заключению до трех суток в сельской тюрьме¹³ и к штрафам, взимаемым реже натурой (мерой-*кайлем*=12 кг зерна), чаще - деньгами. Это были по-прежнему ходившие в Нагорном Дагестане турецкие серебряные пиастры, приравненные к русским дореволюционным рублям, и иранские шахии из расчета 1 шахий =5 копейкам. В отличие от шариата дагестанский адат не применял смертной казни и членовредительства.

Важно отметить устойчивость общественной организации горной общины, способной приспособиться к самым различным формам государственного контроля. Недаром джамаат смог пережить набов Шамиля, российских чиновников, “белых” и “красных” командиров времен Гражданской войны и ужиться с ранней советской бюрократией.

С одной стороны горцы были обязаны своей автономии удаленности и труднодоступности своих сел. Ведь, до 30-х годов XX в. багулалы и другие андоцезские народы не имели регулярных связей даже с равнинным Дагестаном. До 1927 г. ближайшее к Хуштада советское начальство находилось в 23,5 км. в с.Карата, а окружное начальство Андийского округа в 42,7 км. - в с. Ботлих. Первое шоссе, связавшее села багулал через Ботлих с Махачкалой, было проложено

только в 1924 г.¹⁴. Пассажирское и почтовое сообщение по этой трассе открылось в 1928 г., но до середины 40-х годов оно фактически прерывалось зимой. Первое радио в Хуштада появилось лишь в 1941 г.¹⁵.

С другой стороны джамаата черпал устойчивость в дуализме коллективного и частного начал, пронизывающем все сферы жизни хуштадинцев¹⁶. Наиболее наглядно этот принцип просматривается в традиционной структуре местного крестьянского землевладения. Вся территория Хуштада, как и в соседних джамаатах, делилась на частные (*мульки*), общинные (*харим*) и мечетные (*вакфы*) владения. Субъектом собственности издревле считались либо семьи местных узденей, либо сама община-джамаат, унаследовавшая при образовании села коллективные права собственности своих трех тухумных групп-*гъай*.

Пашни и сады на террасах, уступами спускавшихся от села к реке (баг. *мигъ*), были поделены на семейные *мульки* хуштадинцев. В той же частно-семейной собственности находились и сенокосы на подпиравших террасы стенках, а также лес на вершине горы над Хуштада. Мульки покупались и продавались, передавались по наследству. Но в отличие от современной частной собственности они могли принадлежать только членам джамаата. Система каналов (баг. *гъелгъел багул*), принадлежавших общине и регулярно очищавшихся усилиями всех хуштадинцев, позволяла выращивать на частных пашнях хорошие урожаи.

Неделимым *харимом* аула считались выгоны, пастбища и часть сенокосов. Каждый член джамаата имел свою долю в харимных угодьях. Но реально до революции ими пользовались в основном богатые скотоводы села. Причем если пастбищная доля общинника возрастала при большом числе голов его стада, то общественные сенокосы использовались всеми поровну.

На нужды двух хуштадинских мечетей, плату муэдзинам (баг. *будунари*), сельскому имаму-*дибиру* и судье-*кади* были выделены наиболее плодородные участки террасных полей, переданные в *вакф*. Особенностью этой формы собственности было сочетание в ней черт *мулька* и *харима*. Вакфные земли продолжали наследоваться, продаваться и покупаться, но с условием обязательной переда-

чи части доходов с них мечети. Основная часть полученных таким образом средств вместе с обязательной милостыней (араб. *закят*) как общинное имущество подлежали раздаче беднякам.

* * *

Такой порядок хозяйственно-социальной жизни общины свободно действовал в горах *de jure* до 1921 г., а *de facto* до начала советских аграрных преобразований 30-х гг. В начале коллективизации власти попытались обезглавить горные джамааты. Ломка традиционного общества и хозяйства горцев была осуществлена в **1928 - 1955 гг.**

В первую очередь были полностью изменены институты местной власти. Еще в 1927 г. были запрещены сельские и окружные советы старейшин, прежде легально действовавшие под именем “*шариатных судов*”; в пользу государства начали конфисковываться вакфы мечетей. В том же году все дагестанские округа были разделены на более мелкие районы. В райцентрах и горных селениях были избраны новые органы власти - *районные* и *сельские советы*. По новому административному делению районные власти приблизились к Хуштада более, чем в 3 раза.

Большинство руководителей прежней светской администрации джамаатов было расстреляно либо выслано с семьями за пределы Дагестана по обвинению в “контрреволюционной деятельности” и “антисоветской пропаганде”. Та же участь постигла многих сельских кади и имамов-дибиров. В 30 - 40-е гг. в Хуштада погибло около 60 человек, в том числе 35 - в 1928-1939 гг. Сильнее всего хуштадинцев потрясла гибель в 1930 г. в НКВД их дибира и известного шейха накшбандийского тариката Хусейна Пирмагомедова¹⁷.

Вторым ударом по джамаатам было создание в первой половине 30-х гг. ТОЗов и колхозов на бывших харимных землях. Так в 1934 г. в Хуштада возник ТОЗ “*Заря Востока*”. В 1936 г. он был преобразован в колхоз “*им. Молотова*”, а в 1955 г. переименован в колхоз “*им. Чапаева*”¹⁸. “Сплошная коллективизация”, форсированно проведенная в горах за несколько месяцев 1939 г., покончила с

частносемейными мульками, насильно обобществив все террасные поля и скот хуштадинцев.

При коллективизации горных сел политика кнута искусно сочеталась с политикой пряника. Советские власти попытались “подкупить” вечно страдавших от малоземелья горцев, передав им плодородные земли на равнине из числа бывших казенных и помещичьих имений. Кроме того, ставка делалась на передачу управления селами сельской бедноте и потомкам рабов-*хъузхъул*, возвысившимся в горском обществе в ущерб правам прежней деревенской верхушки. Из худородных тухумов Элигъай вышли первые руководители колхоза и сельсовета Хуштада - *Абдула Магомедов* и *Магомед Вечедов*¹⁹.

Щедрая раздача горцам сельскохозяйственных угодий на равнине в 30-50-е годы поддерживала среди них определенную популярность колхозного строительства. По свидетельству хуштадинских стариков, в 1936 г. люди плясали от радости, узнав о получении их колхозом 1384 га земель в Хасавюртовском районе. В 1944 г. колхоз им. Чапаева получил еще 553 га на равнине, в Бабаюртовском районе. В 50 - 60-е годы, привлеченная хорошими заработками, туда регулярно стала выезжать на сезонные сельские работы хуштадинская молодежь. Постепенно семьи горцев образовали под Хасавюртом постоянный поселок с характерным для переселенческого аула названием “*Новая Хуштада*”²⁰.

Одновременно с административной и хозяйственной ломкой джамаата в Дагестане началась этнокультурная перестройка горского общества. Эта политика получила название “*национальной консолидации*”. Она означала слияние малых горских народностей с более крупными родственными им этносами. Багулалы и остальные андо-цезские народы были присоединены к аварцам. С 1928 г. сельская школа, колхозное делопроизводство и районная пресса переводились на аварский язык. Для этого была разработана новая письменность на латинской основе, в 1938 г. переведенная на кириллицу. Русский и аварский заменили арабский в качестве официального языка местных горцев.

Всесте с тем арабомусульманская культура малых дагестанских народностей была объявлена вне закона. Ее архитектурные и письменные памятники

XVII - XX вв. безжалостно уничтожались. Преподавание арабского языка приравнивалось к уголовному преступлению. Медресе, имевшиеся почти в каждом горном селении, были закрыты уже в начале 30-х годов. Тогда же были разгромлены почти все сельские мечети. Дольше других работала соборная мечеть Хуштада. Но и она была закрыта в разгар коллективизации. Большая часть рукописей из мечетного архива по истории и культуре багулал погибла в 1930 г²¹. В 1937 - 1946 в Цумадинском районе не осталось ни одной действующей мечети.

* * *

Описанными выше репрессивными мерами советская власть так и не смогла уничтожить горного джамаата. Он выжил, но вынужден был адаптироваться к новым колхозно-советским нормам жизни. Эта адаптация, вызвавшая сильное изменение внутренней организации и институтов власти в аулах Нагорного Дагестана, в основном совершилась в **1956 - 1988 гг.**

Главным итогом этого периода было слияние *джамаата* и *колхоза*. Последний постепенно вобрал в себя основные институты и функции первого. *Общее собрание колхозников* теперь выполняет те же задачи, что прежде *руккел*. Оно руководит всей общественной жизнью села, следит за соблюдением правил землепользования, урегулирует имущественные и семейные споры между жителями села. При колхозах сельский сход стал собирать не только глав семей, но все мужское население аула старше 14 лет, как это было до русского завоевания. Местом сходов хуштадинцев по-прежнему служит *годекан*. В 70-80-е годы он переместился на окраину села, к кладбищу *Нижняя Хъармала*, сельсовету и сельмагу²².

Хозяйственные обязанности *бегавула* разделили между собой *председатели колхоза* и *сельсовета* с.Хуштада. *Гелиби* уже в качестве колхозных исполнителей продолжают объявлять о решениях сельского начальства и схода, штрафовать хуштадинцев за их невыполнение, охранять границы хуштадинского колхоза. За свою работу им положено по 10 трудодней в месяц каждому²³. Функции сельского *дивана* и отчасти исполнительную власть *бегавула* сосредоточил в своих руках *дибир*. Этот выборный глава мусульманской общины села, в совет-

ское время объединивший в своем лице *кади* и *имама* джамаата, в обход советских законов по-прежнему судил и консультировал своих односельчан по обычному праву и шариату.

В колхозной общине изначально возникло до поры до времени скрытое двоевластие. Непопулярному колхозно-советскому начальству здесь противостояла хотя и объявленная вне закона, но пользующаяся большим авторитетом у хуштадинцев власть дибира. Последний занял место старой светской элиты джамаата, погибшей в ходе коллективизации. При этом право на власть им давала уже не знатность (баг. *зьен*), а поддержка всего джамаата.

Из хуштадинских дибиров советского времени, реально управлявших джамаатом, следует назвать умершего в 1972 г. *Сейфуллу* и сменившего его на этом посту *Шарапудина* (умер в 1995 г.). В отличие от прежних бегавулов и шейхов с.Хуштада их почитали не за знатное происхождение или ученость, а за умение отстаивать интересы общины перед районными властями. Заслугой Шарапудина является сохранение единственной в Цумадинском районе действующей мечети в 1946 - 1991 гг. Усилиями этих и других сельских имамов Хуштада стала религиозным центром района²⁴. К могилам (араб. *зияратам*) ее шейхов до сих пор не прекращается паломничество жителей окрестных багулальских и тиндинских сел.

Во многом такая метаморфоза сельской власти явилась следствием отмирания тухумной организации в Хуштада и большинстве других горных дагестанских аулов. В колхозе тухумная знать потеряла все свои привилегии и быстро ослабла. Уже в 60-70-е годы род Эссигъай смешался с двумя другими тухумными группировками. В селе не осталось однородных кварталов и кладбищ. Тухумы-*суцлер* распались на отдельные малые семьи (баг. *авал*). Имена родовых групп-*гъай* для поколений превратились в названия кварталов аула²⁵. Причем практика эндогамии, перенесенная с тухума на весь аул, дополнительно укрепила единство и солидарность хуштадинцев.

Определенную роль в переходе власти к сельским мусульманским лидерам сыграло отмирание традиционного аппарата принуждения джамаата в колхозе:

старинные единицы штрафов были вскоре забыты; бывшая сельская тюрьма стала хлевом для скота. По этой причине возглавившие общину имамы должны были опираться исключительно на общественное мнение села. Решения дибира, одобренные сельским сходом, получили у хуштадинцев силу религиозных запретов и разрешений (араб. *харам* и *халяль*). Опросы горцев показывают, что народное сознание перестало различать адат от шариата. Хуштадинцы видят в них единый религиозный закон, черпающий силу в заветах предков²⁶.

Кроме того, джамаат и его мусульманские лидеры усилились благодаря увеличению в колхозах доли коллективной собственности за счет сокращения частных владений. Лишь малую часть *мульков* удалось уберечь от обобществления, объявив их *приусадебными участками*. В Хуштада было сохранено не более 1/3 прежних *мульков* на террасах. Члены хуштадинского колхоза продолжали тайно наследовать, покупать и передавать друг другу эти участки *мигъ*, а также свои дома, относившиеся прежде к семейным *мулькам*²⁷.

Вместе с тем гигантски разрослись унаследовавшие все признаки джамаатного *харима колхозные владения*. Часть *мульков* при советской власти потеряла бывших хозяев. Две трети террасных полей и садов в 60-80-е годы превратились в общинные пастбища и сенокосы. Полностью обобществлены были большие массивы горных лесов джамаата. Нельзя забывать и о 1937 га пастбищ, сенокосов и полей на равнине, переданных колхозу им. Чапаева в 1936-1944 гг. и составлявших около 1/3 всех его угодий. Для мусульманской общины рост ее харима в 1/2 раза²⁸ компенсировал даже уничтожение мечетных вакфов.

Переход власти в сельской общине к ее национальным мусульманским лидерам был закономерен в условиях советской трансформации этнического самосознания багулал. Консолидация этого небольшого горского народа с аварцами вопреки ожиданиям советских руководителей привела не к ассимиляции, а к гораздо более сложному изменению культуры жителей багулальских сел. Мои опросы хуштадинцев обнаружили, что у себя в селении они ощущают себя багулалами, за его пределами - аварцами. Мусульманский джамаат родного села стал

для хуштадинцев олицетворением единства и многообразия огромной аварской общины Дагестана²⁹.

Такое изменение этнического самосознания багулал в значительной мере вызвано тем, что джамаат остался для них главным посредником при ставших регулярными связях с равнинным Дагестаном. Сегодня Хуштада подобно сотням других горных аулов не может прожить без регулярного оттока части своего населения на равнину. В послевоенные десятилетия советские руководители Дагестана неизменно проводили политику трудоустройства горцев на равнине. Вместе с тем в 50 - 60-е годы после отмены сталинской паспортной системы возродилось стихийное сезонное отходничество горцев.

Все это привело к тому, что к 70 - 90-м годам от хуштадинского джамаата отпочковались самостоятельные дочерние общины в Новой Хуштада (349 человек), городах Махачкале и Хасавюрте (более 700 человек). Несколько человек хуштадинцев влилось в общедагестанскую диаспору в Москве и городах центральной России. Постоянные жители Хуштада стали регулярно выезжать на заработки за пределы Нагорного Дагестана. К началу 90-х годов сезонное летне-осеннее отходничество охватывало уже до 40% хуштадинцев, в основном женщин и подростков³⁰. С апреля-мая по октябрь они трудятся в колхозах под Ростовом-на-Дону, в Краснодаре, Кабарде, Ставрополье.

* * *

Исламский подъем, охвативший багулал и соседние андо-цезские народности в **конце 80-х - 90-е годы**, был лишь логическим следствием советской колхозной трансформации горного джамаата, описанной выше. Крушение советско-колхозной системы в 1992-1993 гг. позволило выступить на первый план мусульманским институтам общины.

По всему северо-западному Дагестану открылись сотни мечетей. В 1992 г. действующей стала и вторая, малая мечеть Хуштада. Сельские *дибирь* окончательно взяли в свои руки всю полноту власти в большинстве сел Цумадинского района. Подавляющее большинство колхозных земель перешли в положение *харима* сельских администраций. Чисто колхозные владения остались у горцев

лишь на равнине, где только хуштадинскому колхозу по-прежнему принадлежит 1937 га пастбищ и пахотных угодий. Однако используются они на правах харима. Мусульманские джамааты дополнительно укрепились благодаря разделу колхозных полей на *мульки* и стихийному возвращению мечетям *вакфных земель*. В Хуштада это произошло в 1993 г.³¹. Следующее перераспределение более 100 вакфов здесь должно произойти в марте 1996 г.

В 90-е годы вопрос о социальной и религиозной трансформации мусульманской деревни приобрел не только научную, но и практическую актуальность. Восстанавливающееся после распада СССР российское государство пытается опереться на выжившие в период советских репрессий традиционные сельские институты, возродить крепкую общину для укрепления рушащейся пирамиды власти на местах.

В этих условиях, на мой взгляд, необходимо учитывать специфику колхозной трансформации крестьянства в разных мусульманских республиках постсоветской России. Готовящееся ныне проведение в Нагорном Дагестане законов “О сельской общине”, “О местном самоуправлении” и “О третейских судах”, подготовленных российскими и дагестанскими юристами в 1995-1996 гг., приведет к успеху только на этом условии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Всесоюзная перепись населения 1926 г.* Т. V, М., 1928. Этнический состав округа был в действительности еще более сложный, поскольку перепись не выделила еще 2 одноаульных цезских народа - *гунзибцев* и *гинухцев*.

² Подсчитано мною по следующим статистическим материалам: *Посемейный список жителей Каратинского наибства Андийского округа за 1886 г.* ЦГА РД, ф. 21, оп. 5, д. 115, л. 87-123; *Всесоюзная перепись населения 1926 г.* Т. V, М., 1928; ср. *Сборник статистических сведений о Кавказе.* Тифлис, 1869, с. 41.

³ *Посемейный список жителей Каратинского наибства Андийского округа за 1886 г.* ЦГА РД, ф. 21, оп. 5, д. 115, л. 87-90; *Полевой материал Бобровникова В.О., собранный в с. Хуштада (1992-1995).* А.О.Магомедов, школьный учитель истории из Хуштада, записал их современные фамилии: Загъари, Багъовозинари, Къоральъари, ПахлагАларари, МахАматАувари, Пирилари (или

БеценамахІнари). См. *Магомедов А.О.* История багулальского союза сельских общин. Рукопись диплома ДГПИ 1983 г., л. 21 - 22.

⁴ Согласно материалам, собранным *А.О.Магомедовым*, к *апарагзаби* относятся современные хуштадинские семьи Ашаль Чали, Ашаль МахІа, Ашаль ХІусен, АлимахІмари, (или Огъди), АшанагІсари, Къородасс ЧІалари, Гъазимд Гъимерсо, БеценамахІмари, АмирачІалари, Илиясари. См. *Магомедов А.О.* Ук. соч., л. 21-22.

⁵ *Полевой материал Бобровникова В.О., собранный в с.Хуштада (1992-1995).* Записи древнейших хуштадинских адатов показывают, что освобождение рабов-хъузхъул произошло здесь в конце XVIII в. См. *Мечетный архив с.Хуштада, Коран, переписанный в 1153 г.х.(1740-1741 гг. н.э.).*

⁶ *Шиллинг Е.М.* Багулалы // *Шиллинг Е.М.* Малые народы Дагестана. М., 1993, с. 154-164.

⁷ *Шиллинг Е.М.* Ук. соч., с. 156; ср. *Алиев Б.Г.* Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала, 1988, с. 71-72; *Маршаев Р.Г.* Очерки истории лаков // РФ ИИЯЛ. Махачкала, ф. 3, оп. I, д. 91, л. 96.

⁸ Интересно отметить, что в Нагорном Дагестане есть несколько десятков десятков селений с тухумами, ведущими свой род от казикумухских шамхалов. Первым на это обратил внимание Р.Г.Маршаев. См. *Бутаев Б., Маршаев Р.* История лакцев. Махачкала., 1991, с. 56-57.

⁹ Обычай эндогамии тухумов и джамаатов Нагорного Дагестана, на мой взгляд, правильнее определять не как нерушимый закон, а как предпочтительную практику брачных отношений или их *habitus*, используя известный термин, предложенный *П.Бурдые*. Ср. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII - начале XIX в. М., 1988, с. 115-121; *Bourdieu P.* Le sens pratique. P., 1980.

¹⁰ Ср.: *Шихсаидов А.Р.* Надписи рассказывают. Махачкала, 1969, с. 76; *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа X - XX вв. Ч. 3, М., 1980, с. 55. В 1995 г. эта древнейшая для Цумадинского района арабская надпись была впервые эстампирована и сфотографирована мной. См. *Эпиграфические материалы Бобровникова В.О., собранные в с.Хуштада в 1995 г.*

¹¹ В конце XIX - первой трети XX в. в Хуштада стала одним из центров тарикатов Накшбандия и Кадирия. Как явствует из арабской эпиграфики селения, самыми знаменитыми местными святыми стали глава кадиритов *Шани-Гаджи*, его соперник нахшбандийский шейх *Хусейн* и отец последнего *Пир-Мухаммед*.

¹² См. адаты с.Хуштада XIX - 20-х гг. XX в., хранящиеся в частных архивах *М.-С.Газиева*, *М.Салманова* (Хуштада), *С.-Г.Пирмагомедова* (Агвали), *М.-С.Абакарова* (Хасавюрт).

¹³ Здание сельской тюрьмы до сих пор сохранилось в центре старого села, на бывшей территории Элигъай. Судя по строительной надписи, в последний раз ее отремонтировали в 1321 г.х. (1903-1904 гг. н.э.).

¹⁴ *Народы Кавказа.* Т. I, М., 1960, с. 456; ср. *Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г.* Тифлис, 1893, Дагестанская область № 208. По подсчетам *Г.Д.Даниялова*, дорожная сеть Дагестана до конца 20-х годов XX в. связывала всего 1,5% всех населенных пунктов региона. См.: *Даниялов Г.Д.* Социалистические преобразования в Дагестане (1921-1941). Махачкала, 1960, с. 212, 219.

¹⁵ *Народы Кавказа*, с. 454; *Полевой материал Бобровникова В.О., собранный в с. Хуштада (1992-1995)*.

¹⁶ Ср. *Агларов М.А.* Ук. соч., с. 59, 64.

¹⁷ Мои информаторы *А.А.Закарьяев, М.-С.Газиев* из Хуштада, *С.-Г.Пирмагомедов* из Агвали, *М.-С.Абакаров* из Хасавюрта. Семья *Хусейна сына Пир-Мухаммеда* была сослана в Сибирь. О самом шейхе подробнее см. сноску № 11.

¹⁸ ЦГА РД. Ф. р-127, оп. 21, д. 198, л. 10; РФ ИИЯЛ. Ф. 5, оп. 1, д. 408; *Полевой материал Бобровникова В.О., собранный в с. Хуштада (1992-1995)*.

¹⁹ ЦГА РД. Ф. р-37, оп. 22, д. 244, л. 16; Мой информатор *А.А.Закарьяев* из Хуштада.

²⁰ *Земельные отчеты на 1 ноября 1937 и на 1 ноября 1945 гг. Цумадинского района ДАССР* // Архив ЦСУ по Цумадинскому району РД, Агвали. Мои информаторы *А.А.Закарьяев* и *А.-М.И.Халиков* из Хуштада.

²¹ Всего в Хуштада погибло несколько тысяч арабских рукописей и книг XVII - начала XX в. из мечетного и частных собраний. Лишь небольшую часть из них удалось сберечь семьям местных мусульманских ученых (*алимов*) *М.-С.Абакарова, М.-С.Газиева, С.-Г.Пирмагомедова* и *М. Салманова*.

²² *Полевой материал Бобровникова В.О., собранный в с. Хуштада (1992-1995)*.

²³ Там же; ср. *Шиллинг Е.М.* Ук. соч., с. 158.

²⁴ Мои информаторы *И.Ханапов, А.-К.Магомедов* из Хуштада; *Эпиграфические памятники кладбища Хъармала, Хуштада*.

²⁵ Мои информаторы *М.Абакаров, М.Абдулаев, М.Магомедов, М.Гамзатов* из Хуштада, *М.-С.Абакаров* из Хасавюрта. Ср. *Шиллинг Е.М.* Ук. соч., с. 164.

²⁶ *Полевой материал Бобровникова В.О., собранный в с. Хуштада (1992-1995)*. Интересно отметить, что такое же смешивание сферы действия и норм обычного и религиозного права я наблюдал в ходе опросов жителей других горных сел Цумадинского, Рутульского, Табасаранского районов.

²⁷ Мой полевой материал 1992 - 1995 гг. позволяет говорить о строгом соблюдении этой нормы мульковой собственности в колхозах аулов *Тлондода, Кванада, Тинди, Агвали* и других сел Цумадинского района.

²⁸ *Земельный отчет на 1 ноября 1990 г. Цумадинского района ДАССР* // Архив ЦСУ по Цумадинскому району РД, Агвали.

²⁹ *Полевой материал Бобровникова В.О., собранный в с. Хуштада (1992-1995)*. Подобное изменение этнического самосознания я наблюдал и у представителей других малых горских народов Дагестана - *ахваццев, ботлихцев, чамалал, тиндал* и проч. Подробнее об этом см. мою работу: *Vladimir Bobrovnikov Nationalism and Soviet Traditions in the Muslim Villages of Daghestan. Helsinki, WIDER, 1993/*

³⁰ Подробнее об этом см. мою статью: *Традиции в жизни современных горцев: земля и люди* // *Азия и Африка сегодня*. 1993, № 4

³¹ *Земельный баланс Цумадинского района РД по состоянию на 1 января 1996 г. // Архив ЦСУ по Цумадинскому району РД, Агвали.*